

УДК 343.18
ББК 67.73

ПОДСЛЕДСТВЕННОСТЬ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ИЛИ СОВОКУПНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАВИЛ?

© 2023 г. С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Поступила в редакцию 10.04.2023 г.

Аннотация. В статье рассматривается феномен подследственности как юридического свойства уголовного дела, предполагающего его принадлежность к компетенции определённого органа дознания или предварительного следствия.

Анализируется правовая природа подследственности и её роль как одного из общих условий предварительного расследования. Обосновывается позиция о сугубо организационно-управленческом предназначении правил подследственности, о необходимости их использования исключительно для рационального распределения уголовных дел между разными органами предварительного расследования и решения иных подобных задач. Одновременно высказывается предположение об отсутствии «высокого» правового значения подследственности, требующего регламентации соответствующих правил не иначе как посредством федерального закона. В этой связи формулируется вывод о необходимости передачи правил подследственности на подзаконный уровень.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, досудебное производство, место производства предварительного расследования, органы дознания, органы предварительного следствия, подследственность, подсудность, предварительное расследование, следователь, Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Цитирование: Россинский С. Б. Подследственность уголовного дела: общее условие предварительного расследования или совокупность организационно-управленческих правил? // Государство и право. 2023. № 10. С. 71–78.

Статья подготовлена по государственному заданию Института государства и права Российской академии наук. Тема НИР № FMUZ-2021-0043 «Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации».

DOI: 10.31857/S102694520025181-0

INVESTIGATIVE JURISDICTION OF THE CRIMINAL CASE: GENERAL CONDITION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION OR A SET OF ORGANIZATIONAL-MANAGEMENT RULES?

© 2023 S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Received 10.04.2023

Abstract. The article deals with the phenomenon of investigative jurisdiction as a legal property of a criminal case, which determines its inclusion in the competence of a certain police station or investigative department. An analysis is made of the legal nature of investigative jurisdiction and its role as a general condition for a preliminary investigation. Arguments are given about the purely organizational and managerial purpose of the rules of investigative jurisdiction, about the need to use these rules only for the rational distribution of criminal cases between different bodies of preliminary investigation and the solution of other similar tasks. At the same time, an opinion is expressed about the absence of a “high” legal significance of investigation jurisdiction, which contradicts the regulation of these norms only in federal law. In this regard, the conclusion is formulated about the need to transfer the norms of investigation jurisdiction to the subordinate level.

Key words: criminal proceedings, pre-trial proceedings, place of production of preliminary investigation, bodies of inquiry, bodies of preliminary investigation, investigative jurisdiction, jurisdiction, preliminary investigation, investigator, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

For citation: *Rossinskiy, S.B. (2023). Investigative jurisdiction of the criminal case: general condition of the preliminary investigation or a set of organizational-management rules? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 71–78.*

The article was written on the state assignment of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Subject of research work No. FMUZ-2021-0043 “The concept of the criminal law policy of the Russian Federation”.

Подследственность¹, будучи одним из общих условий предварительного расследования, представляет собой совокупность установленных уголовно-процессуальным законом правил, регламентирующих принадлежность конкретных уголовных дел (материалов доследственной проверки сообщений о преступлениях) к компетенции строго определённых органов дознания либо предварительного следствия. Причем ввиду ставшего уже традиционным для национальной системы уголовной юстиции подчинения этих органов ведомствам полицейского либо параполицейского² типа правила

подследственности сконструированы в соответствии с подходами к организации исполнительной власти, характеризующимися разграничением правоприменительных полномочий по отраслевому (ведомственному) и территориальному (зональному) принципам.

Так, из смысла закона фактически вытекают два критерия подследственности: а) ведомственный, предполагающий принадлежность любого уголовного дела к компетенции определённого ведомства (Следственного комитета РФ, ФСБ России, МВД России и т.д.) и выявляемый исходя из предварительной квалификации деяния либо особого статуса подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего (ч. 2–6 ст. 151 УПК РФ); б) территориальный, подразумевающий зональное распределение полномочий между различными органами дознания и предварительного следствия, подчинёнными одному и тому же ведомству (ч. 1, 2 ст. 152 УПК). Кроме того, предусмотрен ряд «страховочных» правил, позволяющих сгладить неизбежно возникающие в правоприменительной практике шероховатости: рационально определить подследственность при соединении в одно производство двух или нескольких уголовных дел (ч. 7 ст. 151, ч. 3 ст. 152

¹ В настоящей статье подследственность рассматривается не в вытекающем из одноимённой ст. 151 УПК РФ узком, а именно в широком понимании этого феномена — как совокупность всех правил, определяющих принадлежность уголовных дел и материалов доследственной проверки, проводимой в порядке ст. 144 УПК РФ, к компетенции определённых органов дознания и предварительного следствия.

² Под ведомствами параполицейского типа в данном случае понимаются органы государственной власти, не выполняющие полицейские функции, но при этом наделённые отдельными полномочиями правоохранительного характера, в том числе полномочиями в сфере досудебного производства по уголовному делу: Следственный комитет РФ, Минобороны России, МЧС России и т.д.

УПК РФ), передать дело (материал доследственной проверки) по подследственности в другой орган предварительного расследования (ч. 4–6 ст. 152 УПК РФ), разрешить спор о подследственности (ч. 8 ст. 151 УПК РФ).

Указанные положения закона уже неоднократно становились объектом исследований ученых-процессуалистов, поэтому не связаны с какими-то особыми доктринальными проблемами, не побуждают к научным спорам и дискуссиям. А периодически возникавшие в правоприменительной практике трудности имеют сугубо прикладной характер и обусловлены возможностью вариативного толкования правил подследственности в наиболее сложных случаях, например при определении места совершения хищения денежных средств путем использования современных web-технологий и т.п. На сегодняшний день именно эти проблемы и представляются актуальными, привлекающая многих специалистов³, в том числе в недавнем прошлом затрагивались в одной из практико-ориентированных публикаций, подготовленной автором настоящей статьи совместно с помощником Останкинского межрайонного прокурора г. Москвы А.А. Приходько⁴.

Вместе с тем ученые-процессуалисты практически никогда не уделяли внимания методологическим основам института подследственности, не пытались выявить его «высокое» процессуальное предназначение, предопределяющее его введение в сферу законодательного (не подзаконного, а именно законодательного!) регулирования в качестве одного из общих условий предварительного расследования. В подавляющем большинстве соответствующих публикаций этому обстоятельству либо вообще не придается никакого значения⁵,

либо оно позиционируется как некая не требующая подтверждения аксиоматическая данность⁶.

Впрочем, отдельные авторы все же пытались выявить «высокое» предназначение подследственности, объясняющее стремление к ее законодательной регламентации. Например, существование подобного института уголовно-процессуального права связывалось с укреплением режима законности досудебного производства, обеспечением прав невластных участников процесса, повышением воспитательной функции уголовной юстиции⁷. Но подобные позиции видятся несколько надуманными, поскольку сводятся к не подкрепленным доводами и аргументами голословным утверждениям самого общего характера.

В иных публикациях «высокая» правовая роль подследственности объясняется некоторой аналогией по отношению к близкому по содержанию уголовно-процессуальному институту подсудности, определяющему правила отнесения уголовных дел к ведению различных судов общей юрисдикции. В частности, правила подследственности увязываются с легитимностью и беспристрастностью должностных лиц органов предварительного расследования, а их несоблюдение отождествляется с основанием отмены приговора, постановленного незаконным составом суда⁸.

Эти суждения также видятся не вполне состоятельными. Ведь существование института подсудности предопределяется конституционными основами российской государственности и связано с особой ролью суда и правосудия в обеспечении правовой защищенности населения (ст. 47 Конституции РФ), тогда как институт подследственности предполагает сугубо «внутренний» характер, ограничивается исключительно сферой уголовно-процессуального регулирования, а его введение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ никогда не обуславливалось ничем иным как инициативным желанием законодателя (в частности, разработчиков Уголовно-процессуального кодекса РФ) придать этим правилам особую юридическую силу. К тому же тезис, увязывающий «высокое» предназначение правил подследственности с правом обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего и других заинтересованных лиц на нахождение соответствующего уголовного дела в производстве беспристрастного следователя (дознателя), вообще представляется ошибочным — это право

³ См.: Михайлов В.А., Коркина И.В., Цопанова И.Г. Подследственность по уголовным делам о контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных интегументов // Публичное и частное право. 2015 № III. С. 151–157; Фрост С.М., Федосов А.Е. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей // Законность. 2015. № 1. С. 51–53; Часовникова О.Г., Данилова П.А. Определение подследственности уголовных дел о лесных пожарах // Проблемы управления рисками в техносфере. 2021. № 4 (60). С. 119–124; и др.

⁴ См.: Приходько А.А., Россинский С.Б. Как определять территориальную подследственность уголовных дел в сложных случаях // Уголовный процесс. 2016. № 11. С. 60–67.

⁵ См., напр.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 41–44; Викторов Б.А. Общие условия предварительного расследования. М., 1971. С. 36–39; Башинская И.Г. Проблемы правовой регламентации института подследственности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 13–36.

⁶ См.: Зинатуллин З.З., Салахов М.С., Чулюкин Л.Д. Подследственность уголовных дел. Казань, 1986. С. 6.

⁷ См.: Григорьев В.Н., Селютин А.В. Подследственность в уголовном процессе (понятие, основания и порядок определения, проблемы разграничения). М., 2002. С. 5, 6.

⁸ См.: Смирнов А.В., Калиновский К.В. Уголовный процесс: учеб. / под ред. А.В. Смирнова. 3-е изд. М., 2007. С. 351, 352.

находит прикладное воплощение в совершенно иных положениях уголовно-процессуального закона, например в нормах, регламентирующих возможность замены одного следователя (дознавателя) другим, устанавливающих основания и порядок отвода следователя (дознавателя), и т.д.

Более того, подсудность уголовного дела определяется на основе несколько иных критериев, обусловленных не столько подходами к формированию органов исполнительной власти (суды такими органами не являются), сколько подходами к построению судебной системы Российской Федерации, предполагающими разделение всех судов общей юрисдикции по территориальному и звеньевому (уровневому) принципам. Причем особое значение придается именно звеньевому критерию подсудности (ст. 31 УПК РФ), поскольку к представителям разных звеньев судебной системы предъявляются различные требования, например к судьям районного уровня — достижение 25-летнего возраста и не менее чем пятилетний юридический стаж, к судьям областного уровня — достижение 30-летнего возраста и не менее чем семилетний юридический стаж и т.д. Тогда как для замещения должностей в органах дознания и предварительного следствия подобных дифференцированных требований в целом не существует⁹, а из смысла Уголовно-процессуального кодекса РФ вытекает тезис о процессуальном равенстве всех следователей и всех дознавателей независимо от ведомственной принадлежности и уровня соответствующего органа предварительного расследования.

Вышеизложенное невольно приводит к убеждению, что институт *подследственности вообще не имеет никакого «высокого» правового значения, требующего регламентации соответствующих правил не иначе как посредством федерального закона*. Одновременно приходит и понимание отсутствия научных исследований, посвященных методологическим основам феномена подследственности — таких основ просто не существует и в нынешней парадигме уголовного судопроизводства, предполагающей внесудебный (полицейский или параполицейский) характер досудебного производства, по

⁹ Справедливости ради необходимо обратить внимание, что требования, предъявляемые к лицам, претендующим на замещение должностей в органах предварительного расследования различных уровней, все-таки предполагают некоторую дифференциацию. Например, на должности следователей «низовых» подразделений Следственного комитета РФ в исключительных случаях допускается назначение студентов старших курсов юридических вузов; на должности дознавателей и следователей МВД — лиц, имеющих неюридическое образование, или студентов последних курсов юридических вузов и т.д. Вместе с тем указанные различия установлены преимущественно подзаконными нормативными правовыми актами и никоим образом не связаны с предусмотренными Уголовно-процессуальным кодексом РФ правилами подследственности уголовных дел.

всей видимости, существовать не может. Правила распределения уголовных дел (материалов доследственной проверки) между различными органами предварительного расследования никоим образом не зависят от сущности и назначения уголовного судопроизводства, не предопределяются его принципами, не находятся в прямой причинно-следственной связи с потребностью обеспечения прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц.

Таким образом, представляется, что *правила подследственности выполняют не более чем организационно-управленческую, в определенном смысле технологическую роль*. Они способствуют рациональному распределению уголовных дел и материалов доследственной проверки между разными органами предварительного расследования, устранению (по крайней мере сокращению) необоснованных споров между ними, обуславливают возможность более или менее правильного расчета их штатной численности, определяемой с учетом необходимости возложения на каждого дознавателя и следователя относительно равномерной служебной нагрузки, обеспечивают территориальную доступность места производства предварительного расследования («кабинета следователя») для подозреваемых, обвиняемых, защитников, потерпевших, свидетелей, других участвующих лиц и т.д.

Организационно-управленческий характер подследственности уголовных дел не опровергается и другими учеными — специально обращается внимание на подобное предназначение подследственности, отмечается ее большая прикладная ценность как инструмента, позволяющего оптимизировать дознавательскую и следственную практику. В частности, правильное определение подследственности уголовного дела не без оснований связывается с обеспечением качества, полноты, оперативности и эффективности предварительного расследования, снижением волокиты и т.д.¹⁰ Однако при этом авторы, видимо, не желая вдаваться в указанные нюансы, продолжают оценивать совокупность правил подследственности как классический институт уголовно-процессуального права, воспринимать их включение в предмет «высокого» законодательного регулирования как нечто само собой разумеющееся.

Более того, реальные причины проникновения подобных требований в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, равно как и в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г., вполне очевидны и понятны. Они напрямую связаны с присущими развитию советской и постсоветской уголовной юстиции тенденциями, выразившимися в постепенной

¹⁰ См.: Григорьев В.Н., Селютин А.В. Указ. соч. С. 6, 7; Османова Н.В. Институт подследственности в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 36; и др.

административизации предварительного расследования и все большей и большей законодательной формализации сугубо технических и технологических правил процессуальной деятельности¹¹.

Конечно, схожие по смыслу нормы всегда были присущи национальной системе уголовно-процессуального регулирования. Например, в ст. 288 Устава Уголовного судопроизводства Российской Империи (УУС) каждому следователю предписывалось осуществлять предварительное следствие на закрепленном за ним участке города либо уезда, а в ст. 289–294 УУС предусматривалась зональная компетенция следователей в части производства некоторых процессуальных действий. Однако «царская» модель досудебного производства, будучи основанной на «классических» (наполеоновских) канонах континентального типа уголовного юстиции, предполагала не столько административный, сколько подлинно судебный характер предварительного следствия, сопряженный с нахождением корпуса соответствующих должностных лиц — судебных следователей Российской Империи — в ведении судебной власти. И в этой связи установленные УУС правила зонального распределения уголовных дел между учрежденными в городах и уездах следственными участками, по сути, представляли собой своеобразные требования «досудебной подсудности», а их нарушение фактически надлежало расценивать как рассмотрение уголовного дела незаконным составом суда.

Тогда как в послереволюционный период досудебное производство по уголовному делу ввиду целого ряда причин начало постепенно утрачивать судебно-следственный характер и, в конце концов, было отнесено к компетенции внесудебных правоохранительных ведомств: вначале — прокуратуры, а затем — целого ряда органов исполнительной власти полицейского и параполицейского типа. Поэтому уже раннесоветское уголовно-процессуальное законодательство содержало гораздо более подробные правила распределения уголовных дел между еще не упраздненными следственными участками (кстати, и сам термин «подследственность» впервые получил легальное закрепление именно в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г.). Например, у прокурора появились сугубо управленческие (административные) полномочия по передаче уголовного дела из одного следственного участка в другой, по разрешению споров о подследственности и т.д., связанные не столько с обеспечением режима законности досудебного производства, сколько с потребностью рационального распределения нагрузки между

гипотетически равными подразделениями поднадзорного следственного аппарата.

И все же наиболее значимые, в определенной степени качественные, преобразования института подследственности произошли позднее — на волне общего усиления вышеуказанных тенденций, связанных с проникновением в сферу «высокого» законодательного регулирования различных технических и технологических правил процессуальной деятельности. Так, ст. 126 и 132 УПК РСФСР 1960 г. уже включали достаточно развернутые правила определения ведомственной и территориальной принадлежности уголовных дел органам предварительного следствия. А в Уголовно-процессуальном кодексе РФ эти правила разрослись до невообразимых размеров и окончательно стали походить не столько на положения федерального закона, тем более на нормы кодифицированного источника права, сколько на очередной административный регламент, на очередную бюрократическую инструкцию, которыми, увы, так изобилует уголовно-процессуальное законодательство¹².

Самыми неудачными на этом фоне представляются многочисленные бланкетные нормы, предполагающие избыточную степень обусловленности законодательных требований к подследственности уголовных дел положениями иных отраслей российского права. Например, в соответствии с ч. 2–6 ст. 151 УПК РФ ведомственная подследственность по общему правилу определяется на основании т.н. предметного признака, т.е. в зависимости от точной квалификации содеянного, в связи с чем указанные положения наполнены множеством цифр, отсылающих правоприменителей к соответствующим статьям Особенной части УК РФ. Причем этот правотворческий перегиб приводит не только к изрядным практическим трудностям и злоупотреблениям, предопределенным потребностью дознавателей и следователей точно квалифицировать любое деяние на самом первоначальном этапе досудебного производства, в том числе при явном дефиците необходимой информации¹³. Данная юридико-техническая конструкция также вынуждает законодателя постоянно реагировать на криминализацию и декриминализацию определенных деяний, на иные веяния уголовной политики и систематически вносить текущие коррективы в правила подследственности, что негативно сказывается на

¹² См.: *Росинский С.Б.* УПК РФ: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021. № 6. С. 42, 43.

¹³ См.: *Абрамова Л.Л.* Фактические основания для начала предварительного расследования: эволюция нормативного регулирования, теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 79, 80.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Росинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства // *Труды ИГП РАН.* 2023. Т. 18. № 1. С. 121–130.

стабильности и без того нестабильного, подвергаемого постоянным изменениям и дополнениям Уголовно-процессуального кодекса РФ. В частности, п/п. «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ подвергался подобной корректировке 38 раз, п. 2 той же статьи — 15 раз, п. 3 той же статьи — 51 раз и т.д.

Еще более деструктивным для стабильности уголовно-процессуального права и правоприменительной практики видится нормотворческий подход, предполагающий прямое указание в федеральном законе на органы государственной власти, уполномоченные на проведение дознания или предварительного следствия по тем или иным уголовным делам: Следственный комитет РФ, органы внутренних дел, органы ФСБ России и т.д. Во-первых, использование этого подхода также требует постоянного внесения текущих коррективов в правила подследственности, обусловленных стремлением государства к обеспечению равномерности служебной нагрузки между разными ведомствами и тому подобными намерениями организационно-управленческого характера. А во-вторых, такой подход не учитывает подзаконной природы большинства органов дознания и предварительного следствия, то есть нахождения вопросов об их учреждении, реорганизации, ликвидации, о перераспределении их функций в ведении Президента РФ — в последнее время уже было проведено несколько таких «президентских» реформ, например образованы, а затем упразднены располагавшие собственным следственным аппаратом налоговая полиция и ФСКН России. В этой связи в сфере правового регулирования предварительного расследования существует опасность возникновения достаточно неприятной коллизии, выраженной в отказе Федерального Собрания РФ поддержать очередные преобразования правоохранительных органов и внести соответствующие поправки в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Конечно, ввиду стабильности политического климата и общности взглядов представителей всех ветвей власти по большинству вопросов, касающихся дальнейшего развития российской государственности, предположить возникновение подобных коллизий достаточно сложно. Однако гипотетически они вполне возможны — по крайней мере в новейшей истории уже возникали кризисные ситуации, связанные с утратой конструктивного диалога между Президентом РФ и Федеральным Собранием РФ.

Достаточно неопределёнными для сферы законодательного регулирования представляются и положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, определяющие территориальную подследственность уголовного дела, т.е. место производства дознания или предварительного следствия. Они плохо гармонируются с традиционными принципами формирования правоохранительных органов,

предполагающими сложную административно-иерархическую структуру, дифференциацию на федеральные, региональные (межрегиональные), городские, районные (межрайонные) и прочие подразделения, выполняющие те или иные задачи (в том числе задачи по расследованию определённых категорий уголовных дел) в соответствии с подзаконными нормативными правовыми актами. Иными словами, один и тот же населенный пункт либо участок местности одновременно отнесется к компетенции сразу нескольких органов предварительного следствия различного уровня, в связи с чем предусмотренные ст. 152 УПК РФ правовые гипотезы «по месту совершения деяния», «по месту нахождения обвиняемого» и др. фактически теряют смысл, а распределение уголовных дел между этими органами осуществляется на основании приказов Председателя Следственного комитета РФ, Министра внутренних дел РФ и т.д. Кроме того, в силу все тех же правил работы правоохранительных органов любой дознаватель или следователь по решению руководства вообще может быть временно откомандирован в иной район, регион, прикомандирован к вышестоящему подразделению и т.п., что обесценивает и обесмысливает «высокое» процессуальное предназначение правил территориальной подследственности.

* * *

Таким образом, на основании вышеизложенного *напрашивается вывод о необходимости исключения правил подследственности из «высокой» сферы уголовно-процессуального регулирования с передачей на подзаконный уровень.* Представляется, что федеральный закон, тем более кодифицированный источник права, должен оставаться нормативным правовым актом, обладающим высшей юридической силой и характеризующимся высокой степенью стабильности (именно для этого и требуются усложненные законотворческие процедуры). В нем должны предусматриваться лишь условия и порядок осуществления наиболее важных общественных отношений, включенных в содержание соответствующей правовой отрасли. В частности, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ надлежит закреплять только те правила поведения органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, иных участников уголовного судопроизводства, которые обусловлены подлинным предназначением уголовно-процессуальной формы, т.е. необходимостью подкрепления следственных, судебных, иных процессуальных действий и принимаемых решений надлежащими юридическими (не организационно-техническими, а именно «высокими» правовыми!) гарантиями доброкачества предполагаемых результатов. Тогда как организационно-технические нормы — те самые

административные регламенты и бюрократические инструкции, направленные на обеспечение максимальной продуктивности правоприменительной практики, на оптимизацию деятельности органов власти и должностных лиц, в том числе и правила подследственности уголовных дел, должны находить отражение в подзаконных нормативных правовых актах.

При этом рациональным представляется закрепление общих критериев определения подследственности в специальном Указе Президента РФ либо, как вариант, в постановлении Правительства РФ, а более частных правил — в соответствующих ведомственных и межведомственных приказах органов государственной власти, уполномоченных на производство предварительного расследования и прокуратуры. Именно подобные нормативные конструкции видятся наиболее приемлемыми для рационального распределения уголовных дел и материалов досудебной проверки между разными органами дознания и предварительного следствия, для сокращения споров, возникающих в данном сегменте правоприменительной практики, для решения иных организационно-управленческих задач досудебного производства; они же будут предрасположены к оперативному внесению текущих коррективов, обусловленных изменчивостью уголовной политики Российской Федерации, криминальной обстановки и другими обстоятельствами, сопутствующими развитию современного общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова Л.Л.* Фактические основания для начала предварительного расследования: эволюция нормативного регулирования, теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 79, 80.
2. *Башинская И.Г.* Проблемы правовой регламентации института подследственности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 13–36.
3. *Викторов Б.А.* Общие условия предварительного расследования. М., 1971. С. 36–39.
4. *Григорьев В.Н., Селютин А.В.* Подследственность в уголовном процессе (понятие, основания и порядок определения, проблемы разграничения). М., 2002. С. 5–7.
5. *Зинатуллин З.З., Салахов М.С., Чулюкин Л.Д.* Подследственность уголовных дел. Казань, 1986. С. 6.
6. *Михайлов В.А., Коркина И.В., Цопанова И.Г.* Подследственность по уголовным делам о контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов // Публичное и частное право. 2015 № III. С. 151–157.
7. *Османова Н.В.* Институт подследственности в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 36.

8. *Приходько А.А., Россинский С.Б.* Как определять территориальную подследственность уголовных дел в сложных случаях // Уголовный процесс. 2016. № 11. С. 60–67.
9. *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 121–130.
10. *Россинский С.Б.* УПК РФ: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42, 43.
11. *Смирнов А.В., Калиновский К.В.* Уголовный процесс: учеб. / под ред. А.В. Смирнова. 3-е изд. М., 2007. С. 351, 352.
12. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 41–44.
13. *Фрост С.М., Федосов А.Е.* Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей // Законность. 2015. № 1. С. 51–53.
14. *Часовникова О.Г., Данилова П.А.* Определение подследственности уголовных дел о лесных пожарах // Проблемы управления рисками в техносфере. 2021. № 4 (60). С. 119–124.

REFERENCES

1. *Abramova L.L.* Factual grounds for starting a preliminary investigation: the evolution of regulatory regulation, theory and practice: dis. ... PhD in Law. Omsk, 2022. P. 79, 80 (in Russ.).
2. *Bashinskaya I.G.* Problems of legal regulation of the investigative jurisdiction in Russian criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2007. P. 13–36 (in Russ.).
3. *Viktorov B.A.* General conditions of preliminary investigation. M., 1971. P. 36–39 (in Russ.).
4. *Grigoriev V.N., Selyutin A.V.* Investigative jurisdiction in the criminal process (concept, grounds and procedure for determining, problems of differentiation). M., 2002. P. 5–7 (in Russ.).
5. *Zinatullin Z.Z., Salakhov M.S., Chulyukin L.D.* Investigative jurisdiction of criminal cases. Kazan, 1986. P. 6 (in Russ.).
6. *Mikhailov V.A., Korkina I.V., Tsopanova I.G.* Investigative jurisdiction in criminal cases on the smuggling of cash and (or) monetary integuments // Public and Private Law. 2015. No. III. P. 151–157 (in Russ.).
7. *Osmanova N.V.* Institute of investigative jurisdiction in pre-trial proceedings: dis. ... PD in Law. M., 2013. P. 36 (in Russ.).
8. *Prikhodko A.A., Rossinskiy S.B.* How to determine the territorial investigative jurisdiction of criminal cases in difficult cases // Criminal Process. 2016. No. 11. P. 60–67 (in Russ.).
9. *Rossinskiy S.B.* Criminal procedural form vs rules of criminal procedural office work // Proceedings of the IGP of the RAS. 2023. Book 18. No. 1. P. 121–130 (in Russ.).

10. *Rossinskiy S.B.* Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: the embodiment of the “high” purpose of the criminal procedure form or a “reminder” for illiterate law enforcement officers? // *Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2021. No. 6. P. 42, 43 (in Russ.).
11. *Smirnov A.V., Kalinovsky K.V.* Criminal process: textbook / ed. by A.V. Smirnov. 3rd ed. M., 2007. P. 351, 352 (in Russ.).
12. *Strogovich M.S.* The course of the Soviet criminal process. M., 1970. Book 2. P. 41–44 (in Russ.).
13. *Frost S.M., Fedosov A.E.* Problems of determining the place of investigative jurisdiction of fraud using electronic forms of payments // *Legality.* 2015. No. 1. P. 51–53 (in Russ.).
14. *Chasovnikova O.G., Danilova P.A.* Determination of the investigative jurisdiction of criminal cases on forest fires // *Problems of risk management in the techno-sphere.* 2021. No. 4 (60). P. 119–124 (in Russ.).

Сведения об авторе

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0002-3862-3188

Authors' information

ROSSINSKIY Sergey B. – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia